

Андрей Затонский
Иллюзии и дороги

Лирический путеводитель по Пермскому краю, спортивному туризму и не только...

Андрей Затонский

**Иллюзии и дороги. Лирический
путеводитель по Пермскому
краю, спортивному
туризму и не только...**

«Издательские решения»

Затонский А.

Иллюзии и дороги. Лирический путеводитель по Пермскому краю, спортивному туризму и не только... / А. Затонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964704-7

Первая часть книги содержит иллюстрированные очерки об интересных походных местах Пермского края, в том числе не слишком широко известных. Вторая часть расширяет пространство дорог и иллюзий от Полярного Урала до юго-восточной Турции. В книге можно найти идеи для новых походов или поездок, красивые авторские фотографии, краеведческую и справочную (по состоянию на 2017—2018 года) информацию, а можно просто прочитать, что через тридцать лет походов думает о них автор...

ISBN 978-5-44-964704-7

© Затонский А.
© Издательские решения

Содержание

КАРАУЛЬНАЯ СОПКА	7
ЕМЕЛЬЯНОВСКАЯ ПЕЩЕРА	10
ВЕРХНЯЯ КОСЬВА	12
ОСТРЫЙ ТУР	15
ШУДЬЯ	19
УСЬВА	22
КАДЬ	26
ЯЗЬВА	29
ПОМЯНЁННЫЙ	33
ЧУВАЛ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Иллюзии и дороги Лирический путеводитель по Пермскому краю, спортивному туризму и не только...

Андрей Затонский

© Андрей Затонский, 2019

ISBN 978-5-4496-4704-7

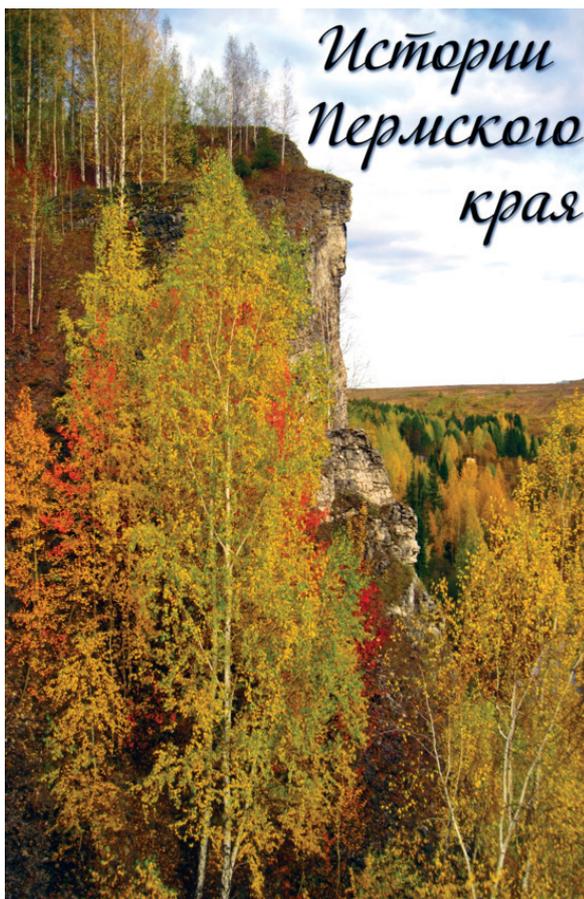
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почти все,

что случилось и описано в этой книге, стало возможным благодаря тому, что в моей жизни появилась Ольга Малышева. Моя опора, создатель и критик идей, контролер здравого смысла всех затей. И даже руководитель нескольких походов с моим участием – а этим вообще мало кто может похвастаться.

Ее успехам в спортивном туризме надо бы посвятить отдельную книгу. Она руководитель пешего похода 6 категории сложности, кажется, еще одна или две женщины в России то же самое о себе сказать могут. Она придумала, как приступить к Непроступному, как сходить пеший поход 4 категории с годовалой Лизой, как провести ангелов через перевал Горных Ангелов – да всего и не перечислить. Может быть, когда-нибудь появится и про нее книга, и будет она не менее интересной и увлекательной, чем эта. А пока просто спасибо. Большое. Огромное, как мир, который мы увидели вместе.

Часть 1

Такое нынче время, что приходится перепланировать отдых со ставшего вдруг недоступным зарубежья на родные края. В отличие от сомнительного успеха в импортозамещении цитрусовых и айфонов, это как раз возможно. Мы, жители предгорного края, тут даже имеем преимущество перед обитателями центральной России и крупных городов. Нам, на самом деле, не так далеко до многих интересных объектов. Это не только центры притяжения автобусных краеведов, наподобие общеизвестного Каменного Города, но и десятки укромных, отдаленных уголков края, малознакомых даже бывалым туристам. В этом смысле первая часть книги может быть и просто интересна в плане расширения кругозора, но может и натолкнуть на плодотворные мысли тех, кто планирует маленькие и большие походы.

КАРАУЛЬНАЯ СОПКА

– За водой пойдешь – пистолет с собой возьми, – напутствовала четырехлетняя Лиза бабушку.

Изба «на косе»

И вправду, вокруг избушки «на косе», как ее называют жители Вёлса, в сорока километрах от поселка, густо натоптала следов крупная рысь. Мало ли, что зверю в голову взбредет, пока вся остальная часть группы ушла на Караульную сопку? Рысь считать умеет, решит, что одна женщина с ребенком – легкая добыча...

Восьмого января 2016-го года в верховьях реки Вёлс потеплело до минус 24 градусов. Мощные ветры, что пытались сдуть нас с двух предыдущих вершин в этом походе, поутихли – над Маргаем уже не так привольно развеваются снежные ленты. Самое время перед выходом в цивилизацию подняться еще на что-нибудь интересное.

Караульная сопка – небольшая гора южнее хребта Маргай на севере Красновишерского района Пермского края. Она мало посещается туристами. Отсюда до поселка Вёлс по реке порядка 50 километров, да от реки еще тропить по буреломному лесу километра три до начала подъема. Дальше начинается крутой лесистый склон, тоже местами загороженный упавшими стволами; подниматься по нему приходится «змейкой», нарезая лыжню то влево, то вправо от направления на вершину. Снег в этом году сухой, похожий на песок. Он охотно оползает в пробитую первым человеком лыжню, и второму приходится за ним дотрапливать, а вот следующие туристы борются уже только с крутым подъемом. Местами тропильщик, отчаявшись найти пологий участок между деревьями и скальными выходами, сквозь зубы выдает несколько сложносочиненных предложений и начинает набивать вверх ступеньки. Получается слишком круто, а ведь еще спускаться тут потом.

Но эта, затерянная в глухом лесу, вершина стоит таких усилий. Большинство североуральских гор представляет собой более-менее украшенные одиночными скалками «кучи», курумниковые осыпные возвышения. Они могут быть крутыми или пологими, с плоской или заостренной вершиной, знаменитыми (как Конжак) или не очень, но все равно обобщающая их характеристика – «осыпная». А на вершине Караулки высится несоразмерно огромный гребень из вертикальных скал высотой 20—30 метров каждая. Зимой они плотно заштукатурены твердыми снеговыми наносами и в лучах низкого полуденного солнца смотрятся совершенно фантастически – хоть издали, с реки, хоть вблизи. Конечно, особенно приятно их видеть, когда доползаешь до них, весь в поту, по вышеописанному склону, и через поклепые, причудливо

изувеченные снежными шапками силуэты редких берез и елок вдруг ослепительно мелькнет грандиозный белоснежный зуб на фоне темного, не по-январски синего зимнего неба.

Влезть на зубчатку удалось только на самой южной оконечности, где она ниже всего и прорезана глубокими щелями. На север открылся впечатляющий вид на хребет Мартай, от середины и выше укрытый перетекающей через него тучей; на юге такие же тучи потихоньку начали закрывать солнышко. Так очень редко бывает, чтобы Гора позволила посмотреть ее при хорошем свете, а потом как бы намекнула, что не пора ли вам, ребята, в обратный путь. Как правило, Горы обожают дразниться. Залезешь на нее в густом молоке, ни вида, ни неба, а на спуске вдруг молниеносно рассосутся тучи, и великолепная вершина четко прорисовуется в небе, хоть снова на нее лезь. А сегодня, когда мы вдоволь налазались, наснимали кучу красивых фотографий, вдруг пропали контрасты, «зубы» затянуло сначала розоватой патиной, а потом они и вовсе слились с серым небом; что ж, пора в обратный путь.

Зубчатка сопки

Совершенно отдельное удовольствие после зимнего восхождения заключается в опасном и быстром спуске где по лыжне, где по целиковым сугробам крутого склона. Главное тут – не пытаться объехать одну и ту же елку двумя ногами с разных сторон... Что немаловажно, у всех нас это получилось. Собравшись внизу, у начала лесной лыжни, перевели дух и не спеша заскользили к реке, по пути перебираясь через обтопанные на подъеме буреломные завалы.

К избе вышли, когда небо уже плотно посерело на закате. Закончился предпоследний день традиционного новогоднего похода, в этом году проходившего между поселком Вёлс и заброшенным Сибиревским прииском. Помешивая супчик в котле, висящем над костром, мы радовались и печалились окончанию похода, вспоминали и планировали, морщились от дыма и пили холодный зимний воздух... жили, в общем. Как всегда живем в походах, другой, совершенно отличной от городской жизнью. На завтра оставались мелочи – выскочить сорок километров до поселка, завести замороженную машину и полтораста километров не слетать с завьюженной дороги...

Так Караульная сопка выглядит с хребта Мартай

ЕМЕЛЬЯНОВСКАЯ ПЕЩЕРА

Эх, а бревна-то, оказывается, просели. Как вылезать-то будем?

Зал ледяных сталагмитов

Вход в некоторые пещеры значительно сложнее, чем сама пещера. Например, из Медвежьей, в Кизеле, можно вылезти только по лесенке или веревке через дырку в привходовом куполе. Вот и Емельяновская пещера, находящаяся неподалеку от станции Углеуральской, начинается купольной воронкой. Добрые люди когда-то набросали под купол бревен, и пять лет назад мы достаточно легко поднялись обратно, но бревна-то, оказывается, просели. А мы, по старой памяти, жумаров не взяли, только веревку. Ладно, навяжем узлов, чтобы руки не скользили, да вылезем.

В Пермском крае много пещер, больших и маленьких, сложных и не очень, известных и тщательно охраняемых знатоками от массовых посещений. Например, пещера Два Уступа около поселка Шумихинский известна единицам, и поверьте, она кардинально отличается от захоженных Российской и Вишерской пещер. В ней десятками зимуют летучие мыши (и никто их не беспокоит), в ней никто не пытается сломать и вытащить наружу красивые натски, да и глину на полу никто не месит. Усилия сообщества спелеологов по «охране» красивых пещер иногда удручают – так, в одной из пещер Геологов пермяки замуровали проход в наиболее красивые залы.

Кстати, надо бы съездить, раскопать и сходить туда снова.

А есть пещеры, которые сами себя охраняют. Вот до Емельяновской надо километров пять пробиваться по зимнему лесу. Айфонизация общества идет настолько успешно, что все меньше и меньше людей на это способны – к сожалению.

Емельяновская пещера небольшая, около 300 метров в длину. Примечательна она тем, что в первом от входа зале зимой нарастает удивительно много ледяных сталагмитов. Практически невозможно пройти через него и не сломать один-два. Толчея ледяных столбиков, высотой до метра и больше, выглядит фантастически красиво. Правда, их высота год от года разная – в 2010-м году они были выше пояса, а в этом осень была быстрая и холодная, и сталагмиты поднялись не выше колена. Но все равно красиво. Главное при фотосъемке не дышать – во влажном воздухе пещеры выдох мгновенно оборачивается облачком тумана, которое во вспышке светится ярче людей и стен. Получаются такие туманно-засвеченные снимки. А впрочем, никакой снимок природы никогда полностью не передает ощущения, возникающие в реальности.

Еще Емельяновская пещера примечательна способностью испачкать посетителей. Да, она маленькая. Но из нее вылезаяшь, перепачканный глиной, будто семикилометровую Вишерскую прополз! «Какой хороший цемент, никак не отмывается» (С) – помните? Так и глина тут хорошая. Вязкая, чмокающая, непостижимым образом поднимающаяся по штанам чуть ли не до подмышек. Особенно в последнем зале Затопляемом, где под высоченными куполами изумрудным цветом отсвечивают небольшие, но глубокие, пещерные озера. Чистейшая вода, как известно, обманчива – кажется, что от поверхности до дна всего-то ничего, а брошенный туда камушек долго-долго опускается, а все никак не поднимет облачко глины, стукнувшись о дно.

Пещерное озеро

Налюбовавшись на озера, через пару узких мест поднимаемся обратно ко входу. Теперь период длительного ожидания в очереди, пока все, балансируя на просевших и обледеневших бревнах, с опорой на веревку выкарабкаются в темноту январской ночи. Кстати, с совершенно одинаковыми воплями – ох, и холодно же тут! После подземных пяти градусов тепла, неизменных круглый год в любой уральской пещере, минус двадцать на улице освежают до ненормативной лексики. Тут главное успеть быстро-быстро скинуть глинистый комбинезон, натянуть пуховик и свернуть комбинезон поплотнее, глиной внутрь. Дома разморозим и постираем. Иначе мокрая одежда заледенеет и не влезет ни в какой рюкзак. Отдельная проблема – затолкать в этот же рюкзак обросшие глиной сапоги, резина-то на морозе дубеет мгновенно, быстрее ткани. Ну, всё: пора в обратный путь по поверхности, к машине, к городу и к горячей ванне.

Очередные выходные прошли – не зря.

А вот и просевшие бревна

ВЕРХНЯЯ КОСЬВА

Правильный человек был дядя Гена. Последний житель опустевшей деревни Верхняя Косьва, он радовался простым гостям, туристам, звал ночевать у него в доме, рассказывал. Тех, кто приперлись не просто так, а за рыбой или металлом, не привечал. Глубокий, неподдельный патриот поселка, капитан парохода, осуществлявшего летний завоз, он, кажется, знал здесь все. Как жить. Как иметь еду – грибы, ягоды, рыбу, мясо. Как себя вести, чтобы выжить. Ведь даже иллюзия безопасности, за которую мы так дорого платим государству, заканчивается в двух шагах за пределами доступности полиции и сотовой связи. Не только дружелюбные люди встречаются там, где нет иллюзий. Тихого и немногословного зэка Юру, то ли беглого, то ли просто осевшего здесь, раз повздорившего с охотниками, сожгли как-то ночью вместе с его избёнкой на другом от дяди Гены берегу. С той поры жил дядя Гена один, без соседей.

Да, раньше Верхняя Косьва занимала оба берега реки. На правом берегу была крупная исправительно-трудовая колония с «филиалами» в Гашковке, Усть-Тыпыле и других деревнях. Зэки отбывали срока и «катали баланы», то есть валили лес, укрепляя экономическую мощь и обороноспособность родной страны. А на левом жили вольные, семьи, чьи корни терялись во тьме веков. Ведь, в отличие от многих поселений нашего края, Верхняя Косьва возникла не для обслуживания «зоны» в сталинские времена. Она была крупным перевалочным пунктом, торговым центром и постоянным двором знаменитой Бабиновской дороги. От деревень на Яйве сюда как раз день интенсивного гужевого хода, кроме того, летом река Косьва давала возможность дополнять тележную логистику водными перевозками. Знаменитая Бабиновская дорога здесь хорошо сохранилась – недалеко от дома дяди Гены глубокие колеи, минуя могилу неизвестного солдата, поднимаются в распадок высокого коренного берега и уходят в сторону Растёса и Кырьи, следующих нежилых поселков. Зимой колеи почти не видны под глубоким снегом, летом их размывают дожди и ручьи: Верхняя Косьва это еще и «полюс сырости» Пермского края.

Такой дядя Гена видел Косьву от своего дома

Вдоль правого берега Косьвы идет отсыпная дорога, созданная в интересах исправительно-трудовых учреждений, раньше соединявшая Кизел и поселок Кытлым в Свердловской области. По ней и до сих пор ездить можно, вот только мостов ни через речку Курейную южнее остатков поселка, ни через речку Березовка в трех километрах севернее не осталось. Первый сломали организаторы чемпионата по рыбалке, которые додумались привезти сюда участников на тяжелых списанных БТРах, находящихся в частном пользовании у жителя Александровска, а второй сожгли специально, чтобы металлисты не добирались до Усть-Тыпыла и Усть-Тылая. Металлисты это охотники за брошенным металлом, поиск и сдача которого спасают их от кизеловского экономического кризиса, и здесь их не все любят. Да и есть за что. В доме

дяди Гены, единственном до сих пор более-менее целом на левом берегу, после его смерти они убили печку, вырвав чугунные дверцы, плиту и колосники. А дом без печки не живет. Если хоть несколько раз в год печку не протопить, дом погибнет – сгниет, развалится, превратится в непривлекательное свалище бревен, не способное защитить и обогреть, дать жизнь.

Как дороги.

Как поселок.

Как богатый, красивый, но не вписывающийся в современную модель рваческой экономики край вокруг него.

Как дядя Гена – он умер от воспаления легких в больнице лет десять назад. Официальная версия – вот показалось ему отчего-то, что в доме пожар, решил он вылезти через окно, сломал бедро, переохладился, заболел. Отвар осинового коры, который он очень уважал и пил от болезней и для профилактики, помочь не смог.

Кого не трогают мельтешение экономических формаций и официальных версий, так это близкие к поселку горы. Они, конечно, немножко прихорашиваются, латают прореженные порубками зеленые одежды, но сами меняются мало. Вот нет уже поселка, кипевшего жизнью двадцать лет назад, вот уже не подтащит нас уже на своем «Буране» к поселку дядя Гена, вот уже заросли напрочь уральским «бамбуком», молодой порослью, подходящие к Острому Туру лесовозные дороги – а Тур стоит себе.

Но о нем в следующей главе.

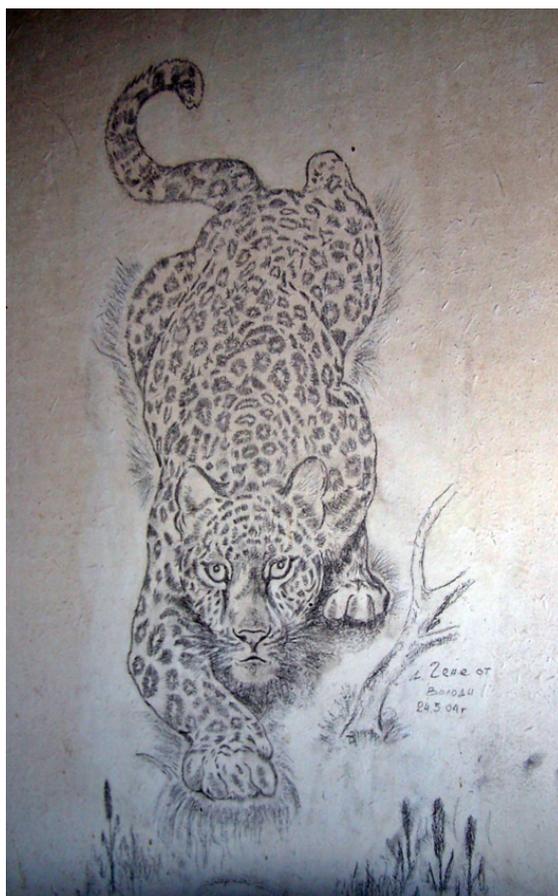

Рисунок карандашом на стене в доме дяди Гены

ОСТРЫЙ ТУР

Острый Тур виден из Верхней Косьвы

Вокруг Березников не так-то много гор. Таких, как Одинокая Гора из «Хоббита» – чтобы вокруг непроходимые леса, чтобы высилась вершина одиноко над безлюдьем, не затмеваемая соседками и даже деревьями – ведь «горами» часто по ошибке называют возвышенности типа Полюда или Ветлана, еле-еле поднимающиеся над лесом.

Обычно уральские горы дружелюбны и семейственны. Они образуют длинные хребты, в которых чередуются вершины и перевалы. Некоторые горы (такие, как Белый камень или Ослянка) существенно вытянуты с севера на юг. И какая же морока, взобравшись выше границы леса, топтать по плато до главной вершины час-полтора.

Одиночных гор мало, но все же они есть: Шудья-Пендыш, Косьвинский камень и еще несколько. Самые близкие к нашему городу из них – Острый Тур и Чердынский камень. По прямой, как ворона летает, всего-то 100 километров. В хорошую погоду с автодороги Углеуральский – Губаха далеко на северо-востоке прорисовываются в небе две вершины – острая и покатая, часто принимаемые за облака. Кстати, плохая примета – раз так далеко и отчетливо видны горы, жди неделю дождей...

Острый Тур расположен к северу от нежилого поселка Верхняя Косьва на правом берегу одноименной реки. К сожалению, люди, как вороны, не летают, и добраться к подножию не так-то легко. Даже до Шудьи – и то проще, а ведь туда почти триста километров.

Мост через речку Курейку перед самой Верхней Косьвой

разрушен, а объезд примерно вот такой

Плохие дороги в Верхнюю Косьву от Кизела и посёлка Скопкартной иногда проходимы на УАЗике, но надежнее использовать более серьезную машину. И дорога, это ведь еще не все. Добравшись до маленького домика на северной окраине поселка, единственного, сохранившегося на правом берегу, надо еще на гору залезть. Раньше на Острый ходили по старой лесовозной дороге, начинающейся за сожженным мостом через Березовку на дороге Верх. Косьва – Усть-Тыпыл. Там на отвороте стоял железнодорожный вагон – бывшая столовая, ныне успешно порезанный и вывезенный металлстами. Вагон был хорошим ориентиром, так что объяснить дорогу кому угодно было несложно. Это ведь сейчас можно скинуть по майлу трек для приемника GPS, и прибор услужливо покажет стрелкой, куда идти. Представляете, были времена без майла и GPS'ов, пути друг другу описывали по тропам и приметным объектам...

Отсюда дорога круто поднимается в горку, в подошву Острого. Гора находится достаточно далеко от поселка, так, что зимой никак не успеть сходить туда-обратно за светлое время. Ну, и ничего страшного. В этом недостатке скрыто дополнительное удовольствие. Невозможно описать словами драйв от ночного спуска по этому склону, между молодых деревьев и упавших уже впереди туристов, в свете слабенького четырехдиодного налобника, полный воплей ужаса и восторга («Не упал! Не упал!!»). Технические навыки в вопросах устойчивости на лыжах такие восхождения развивали необычайно. Но сейчас эта дорога уже совсем плотно заросла «бамбуком» – молодыми березками, кустами, чьи тонкие и не очень стволы совсем не оставляют места для лыжни или прохода.

Около вершины

Вот странно, кстати. Дороги на Северном Урале забамбучивает лет за пятнадцать напрочь. А лесные тропы и поляны часто известны десятилетиями, и ничего им не делается. Как описана какая-нибудь тропа в первом в истории края путеводителе С. А. Торопова, так и сейчас просматривается она на местности, кое-где заваленная упавшими стволами. И огром-

ные покосы на запад от перемычки между Острым и Чердынским чуть ли не со времен Бабинской дороги известны, а не зарастают.

Более простой, без бамбука, но более длинный путь начинается от отворота с отсыпной на лесовозную дорогу немного севернее Острого. Отсюда, с дороги Острый выглядит вообще грозно. В эту сторону, на восток, он круто обрывается от вершины вниз, визуально нависает над головой. Лес здесь неплотный, какое-то время можно двигаться, придерживаясь старой дороги, потом она пропадает. Вскоре подъем выводит на редколесье между Острым и Чердынским. За перегибом на северо-запад, начинается верховое болотце, где достаточно воды для ночлега летом. Ну, а зимой ее везде достаточно: топи снег да пей... На Чердынский лучше подниматься, держась западного склона, под которым есть большие альпийские поляны – те самые доисторические покосы. Напрямую к вершине сложнее, так как на пути окажется крутой, весьма неприятный кулуар.

В хорошую погоду Конжаковский массив и Косьвинский камень хорошо видны с Острого Тура

В длительном походе, например, с Конжака в нашу сторону, лучше всего начинать подниматься на этот перегиб со стороны нежилого поселка Усть-Тыпыль на востоке – там и лесовозки сохранились лучше, и подъем положе. С рюкзаком, да если еще зимой – это, знаете ли, совсем не то, что в радиальный выход за день налегке сбегать. Зато уж если в альпийские луга поднялся – попал на оперативный простор. Хоть куда восходи, хоть куда потом уходи: на Кадь, на Косьву, а то и верхами на север, на Кваркуш.

Плохая погода здесь – правило, а не исключение

Острый Тур стбит того, чтобы на него идти, чтобы пробиваться через лес и болото. Другие горы в окрестностях либо поднимаются из леса однообразными «осыпными кучами», либо поросли до вершины редким лесом, затрудняющим обзор, как Молчанский камень или Дикарь. А Острый Тур – маленькая, но самая настоящая гора. Здесь есть красивые скальные выходы, пологие осыпи на запад и крутой обрыв – на восток, здесь зимой ветер нещадно рвет лицо и одежду, с воем вырываясь из-за снежных застругов. Причем, масштабы-то здесь не городские. Седло перемычки между Острым и Чердынским находится на высоте 675 метров, а сами вершины – 924 и 939 метров высотой. То есть подъема тут – березниковская телевышка и еще маленько.

Отсюда прекрасный вид на близлежащие горы: Ослянку на юге и громадный Конжаковский массив на востоке, Чердынский и Сухой на севере, за которыми высокие лесистые холмы постепенно переходят в хребет Кваркуш. Внизу на юге, зажатая подножиями Острога камня и камня Дикарь, река летом ревет в порогах, успокаиваясь только ниже устья Березовки. Во все стороны просматриваются обманчиво приветливые старые дороги – к Верхней Косье, к Кади, к нежилому Усть-Тыпылу... а сунешься туда, бамбука мало не покажется.

Хорошо здесь, в общем, на этой Одинокой Горе.

Разве что дракона и сокровищ не хватает.

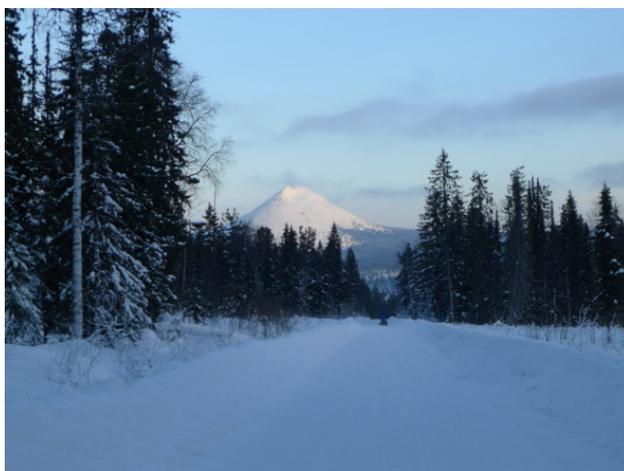
Впрочем, кто знает.

ШУДЬЯ

Двенадцать лет назад я тут тропил. Ох, **тропил**. То есть шел впереди группы на лыжах, прокладывая лыжню. Мокрый от напряжения, шатающийся, искренне недоумевающий – как так, я тут упираюсь изо всех возможных и невозможных сил, а они, сзади, весело беседуя, меня шустро так догоняют?

Многого же я не знал, на старости лет (как тогда казалось) начав заниматься лыжным туризмом. Не знал, что в лыжном походе теплее, чем в летнем – потому что сухо. Не знал, что минус сорок, это не так уж и холодно, важно правильно одеваться и ночевать. Не знал, как новогодний ветерок на вершине легко и непринужденно производит глубокий пилинг лица мельчайшим снегом.

Не знал, что первому, тропящему, идетя в разы труднее, чем второму, а третьему еще вдвое легче. По небольшому уклону третий даже может катиться, тогда как тропильщик с трудом проламывает снег и проваливается почти по колено. На Северном Урале снег неприветливый, пушистый, держит плохо. Но красивый – особенно на деревьях, расположенных близко к границе леса, и на горах. Там, где лес переходит в безлесье, ветер еще с осени укутывает деревья снежным саваном, плотно облепляющим ветви и превращающим обычную елку в черт-те что и сбоку сугроб. Иногда даже трудно понять, из какого дерева получился этот носорог, или эта ракета, или эта хитровывернутая загогулина. А еще выше даже такие деревья заканчиваются и в небо – белесое под новый год и безумно синее на восьмое марта – глубоко врезается снежный, фирновый, скалистый клин горной вершины.

Шудья-Пендыш с дороги, где я когда-то **тропил**...

Гора Шудья-Пендыш подымается из леса внезапно и остро. Будто ударил когда-то снизу волшебный молот, и острый конус вершины подскочил на километр над местностью. Ни тебе привычных уральских предгорий, ни столовых хребтов вокруг, ни постепенного, неспешного, доводящего до исступления карабка чуть выше, чуть выше и выше. Нет. Подошел к склону, снял лыжи, встал на четвереньки, и вверх. Ну, не всегда с опорой на руки, конечно, но подъем по меркам местных гор довольно крут. Ладно, если под ногами снег, куда нога может углубиться и стоять надежно, а на насте или блестящем под солнцем фирне недолго и подскользнуться – донизу одни уши доедут. Снежный, мягкий склон тоже не подарок. Он гулко вздыхает под ногами, просаживается огромными линзами вперед и по бокам, а значит, вполне может съехать лавиной, прихватив восходителя. Так что лучше уж на ребро уйти, где снега меньше, а крупные камни всю зиму выглядывают из-под снега. Но возле них таятся приветливые поло-

сти, слегка прикрытые сверху, куда проваливаешься по самую развилку и, обычно, бьешься при этом в камень коленкой. Правда, чем выше, тем снег тверже, а вероятность провалиться меньше. Но гребень всё острее, и ветер вполне реально может снести с него – конечно, именно в ту сторону, где круче всего, и вообще зацепиться не за что.

В общем, обычный набор приключений при подъеме зимой на североуральскую вершину.

Панорама Главного Уральского хребта с плоской вершины Шудья, соседней с Шудьей-Пендышом

Зато одинокие горы хороши тем, что с вершины можно смотреть во все стороны. Никакое плато не загораживает обзор, и никакие соседние вершины не соревнуются с вашей амбицией быть на полтора метра выше всех окружающих обстоятельств. Или не на полтора, а на метр с шапкой – это если ветер очень сильный и стоять прямо не дает. Кроме того, Шудья это вершина с зубчатой короной, в наших краях это редкость. На юг от главной вершины уходят несколько крупных скально-осыпных зубцов, почти равных ей по высоте. При восхождении с юга это приносит отдельное приключение и, для кого-то, удовольствие – все эти зубцы traversировать по пути к главной вершине. Особенно забавно заниматься этим, когда вершина закрыта облаками. Видимость метров двадцать, ветер то норовит сдуть со склона, то подбрасывает в глаза новую порцию ледышек; внезапно из белого месива проявляется склон со скальными выходами, и гадай, как его пролезть, да и вершина ли это или до нее еще, как до Китая.

Однако в этом году Шудья нас порадовала, и даже дважды. В «длинные выходные», посвященные 23-е февраля, мы без больших проблем взойшли на ее вершину с севера, протропив снегомopedом аж до самой границы леса. А шестого марта вечером успели залезть до половины склона и полюбоваться, как стремительно приближающаяся непогода накрывает окрестные горы, потом глотает солнце, потом обрушивается на нас, и без того прижатых к склону мощным ветром.

На вершине

Жизнь вот так изменилась, что добираться до Шудьи-Пендыш стало в разы проще. По новой отсыпной дороге, которую соликамские бумажники чистят всю зиму, можно за полчаса проехать всё то, что я тропил двенадцать лет назад. Теперь только педаль газа нажимаешь, да с дороги не слети. Соответственно, неделя, минимально необходимая раньше для попытки подъема сюда, превратилась в 1—2 дня. Это и приятно, и тревожно – ведь легкодоступные места притяжения туристов, наподобие Каменного Города, легко и навсегда затаптываются, теряют свою привлекательность, беспредельно коммерциализируются... Впрочем, здесь до такого еще далеко. Здесь вам не тут, как говорится в анекдоте, здесь вам быстро отвыкнут безобразия нарушать. Все же автобусы сюда доберутся нескоро, а минимум часовой подход под склон (зимой на лыжах, летом по буреломному лесу) и трех-четырёхчасовое восхождение далеко не всех привлекают. Настоящих-то буйных мало, в соответствии с песней В. С. Высоцкого, и, увы, с течением времени больше не становится. Скорее, становится меньше. Все старше становятся компании, которые можно встретить в отдаленных лесах и предгорьях; а чтобы натолкнуться на группу школьников или младшекурсников без сопровождения «дедушек», так я и не припомню такого за последние года. Разве что на сплавах – но про них разговор особый.

А наша история про Шудью-Пендыш, лыжный туризм и тропежку заканчивается. Заканчивается день, соскальзывает в безжалостное скопище туч белое, большое зимнее солнце. Заканчивается сезон, удачный сезон лыжных походов 2015—16 года, и, право, есть что вспомнить. Заканчивается терпение многострадального снегомопеда «Динго», пробежавшего за зиму несколько сотен километров с грузом, да в целиковый снег: хрустят и требуют замены шестеренки в коробке передач.

И хорошо, что жизнь устроена так, что ничего не заканчивается совсем. День переходит в вечер у костра с песнями и ночь в уютной палатке с печкой. Лыжный сезон переходит в сплавной, а там и до летних походов недалеко. Сломанный снегоход переходит в состояние капремонта и набирается сил и выносливости к следующей зиме – на нее уж вызревают грандиозные планы с его участием.

И это главное.

Значит, и мы сами еще не закончились.

УСЬВА

Навряд ли найдется в крае турист, который ни разу не побывал на Усьвинских Столбах. Речь о спортивных туристах, конечно, а не о посетителях Узкой Улочки или Каменного Города. Тоже, конечно, дело хорошее. В Советском Союзе, в официальных путеводителях, такие улочки и города (и настоящие улочки, и города тоже) называли «местами показа», и насчитывалось их больше двух тысяч. Но уже и в то время широко известным в узких кругах был Чертов Палец и окружающие его скалы.

Проплываем под Столбами

С тех пор гостей на Усьве меньше не становится. Скорее, больше. И не только людей – через поляну, где искони устраивали биваки березниковские школьники, протянулась труба газопровода. Пейзаж вокруг соответствующий, грязь непролазная, родники убиты. Однако пропала необходимость ехать пять часов на поезде, потом час идти пешком от станции по узкой тропе. Можно до самой грязи добраться на машине, прямо до реки. Как обычно, доступность, комфортность и загаженность идут рука об руку, одно не без другого.

Зато как трудно, жутко и здорово было идти ночью с седьмого на восьмое ноября по темному лесу! По крутому берегу, под которым настороженно шелестит замерзающая вода, по неровной, извилистой тропе. Ноябрьскую демонстрацию пропустить было невозможно, да это и в голове не укладывалось. После нее комсомолки, спортсменки и красавицы (разумеется, не без комсомольцев) торопились на вокзал, на Московский поезд, приходивший на станцию Усьва к полуночи. Да, и станция ведь тогда была, и поезд... Минута на выгрузку, затем состав, взметая снежную пыль, на прощанье мигал красными хвостовыми огнями, и между нами и костром с палаткой оставался всего-то час ходу. То есть целый час ходу. То есть полновесный, очень долгий час пробирания ощупью: доступные фонари с большим запасом времени работы появились значительно позднее. В общем, умение ходить в темноте это упражнение развивало необычайно.

Классический вид на Чертов Палец

Утром, по капитально подмерзшему снежку, направлялись на скалы. Скалы, собственно, и сейчас те же. Сначала лесочком, потом по осыпи подходишь под Усьвинскую Стенку. Только так, с большой буквы. Году в девяностом, уже представляя самого себя опытным туристом, писал я книжки о походах, и вставлял в них воспоминания о давно минувших днях – года два-три назад прошедших, то есть:

Смотреть на это невозможно. Просто невысказано. Надя нависает над высоченным – этажа три, однако – скальным обрывом, небрежно опираясь ногой на склизкий ствол странной елки, причудливо торчащей из склона. Рукой почти не придерживается – зачем? Смотрит на нас, кто впервые на Усьвинской Стенке, и полна нетерпения: сколько можно набираться духу, чтоб подняться на такую ерунду? Залубневшая веревка упрямо обвивается вокруг запястья, так и норовит сковырнуть нетвердую руку с влажного камушка. Подавляя панический позыв вцепиться зубами в ноги уже взобравшихся асов, на четвереньках переваливаешься через край стенки. А впереди ещё кошмарный крутой желоб, покрытый плотно утоптаным крупнозернистым снегом, где можно не то, что морду лица, штаны до задницы стереть, если сшуришишь, а потом колодец, а потом ведь отсюда спускаться вниз, к лагерю, теплу, костру и спальнику, и опять по этой неладной стенке...

Так я начинал десять лет назад, в мае восемьдесят шестого года. Так все мы когда-то начинали.

Все верно. За Стенкой по крутому лесу поднимаешься к Желобу, подъему между скальными стенками. Тут круто, постоянно шуршат, оползая, камушки, а в предзимье еще и так скользко, что просто караул. Где за корень придержишься, где за скалу, и вот – наверху. Можно оторвать взгляд от земли и направить его в небеса и дали. В дальние дали, кстати, не обязательно, потому что все самое интересное уже рядом. Впереди, прямо по ходу из Желоба, торчит высоченная скала Чертова Пальца. Справа от него вертикальная скальная стена, и где-то там «смотровая площадка», с которой Палец смотрится особенно живописно на фоне излучины реки. Высота площадки над рекой около 120 метров, вершины Пальца – около 80, так что появляется возможность взглянуть на скалу свысока. Снизу, от подножия, куда по аналогичному желобу можно спуститься, Чертов Палец, скорее, напоминает остроконечный меч, бесконечно высоко вонзающийся в небеса. По его стороне, обращенной к скалам, проложен маршрут на вершину – то есть местами набиты шлямбурные, швеллерные и обычные скальные крючья.

Скалолазы из Лысьвы очень любят сюда ездить. Поднимаются наверх, организуют верхнюю страховку через оттяжку на вершине и оттачивают мастерство. Загораживающее зрелище – можно смотреть, как на огонь и воду, бесконечно.

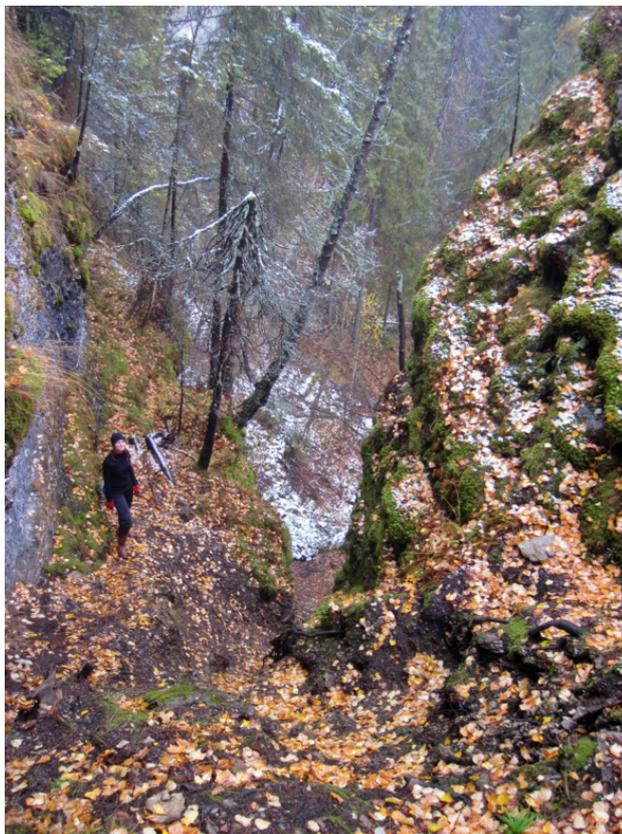
А можно пойти не налево, к смотровой, а направо. Там пещера – вход в горизонтальный штрек, выход через почти вертикальный извилистый колодец. Не счесть, сколько комсомольцев морозило в этом колодце филейные части, расклинившись с участием последних в неприятных местах и обеспечивая физкультурную страховку комсомолкам (спортсменкам, красавицам) ... Если группа человек двадцать, да барышень половина, этак можно было на полчаса засесть, пока они все вылезут, грациозно ступая заледенелым резиновым сапогом тебе на коленку.

Если что – речь тут о школьниках и школьницах, 8—10 класс. Без «взрослых». Все же что-то существенно изменилось за тридцать лет в жизни...

Изменились и Столбы. Как обычно, в сторону доступности – в обход и Стенки, и Желоба, и прочих прелестей натоптана магистральная тропа, начинающаяся от навеса со столиком на берегу реки. Можно просто подняться, размеренно дыша, полюбоваться и спуститься.

Можно.

Но нужно ли?

Желоб в верхней части

КАДЬ

Кадь выше разрушенного моста

Первомайский сплав на Северном Урале – изощренный вариант «русской рулетки». Чем ближе к долгожданным длинным выходным, тем выше в форумах, социальных сетях градус обсуждения – «чё, вскроется?!» Если Койва на 1 мая практически гарантированно очищается ото льда, то уже про соседнюю Усьву этого сказать нельзя. Можешь заплатить хорошие деньги за транспорт и приехать на ледовые поля вместо веселой бурной речки. Понятно, многие в русскую рулетку играть не хотят и идут либо на ту же Койву, либо вообще уезжают на более сложные и технически интересные реки Башкирии. Но и народу же там в это время бывает... Конечно, до толп на рафтинге в окрестностях Анталии, где зазор между последовательными рафтами хорошо, если два-три метра, еще не дошло... но дойдет ведь.

Жителям Березников ближе и проще, чем пермякам, забраться на малолюдные речки. Скорее всего, на первомай вскроются и Чаньва, и Чикман, и среднее течение Яйвы. С вероятностью 50% вскроются даже Язьва с Молмысом. Хорошо идти по пустынной реке. Все стоянки – твои, встреченная группа вызывает не раздражение, а желание пообщаться (если еще осталось, с употреблением чего – а нет, так у них ведь наверняка есть!), нет проблем ни со сборкой, ни с просушкой судов перед погрузкой на выходе с маршрута. Но где-нибудь посерединке маршрута может коварно таиться затор – ледовая пробка, перегораживающая реку. И приятный, беззаботный сплав немедленно превращается в очень трудоемкое протаскивание судов и груза по заснеженному лесу, а груза, вестимо, у водников немало всегда.

Затор

На Кади такой затор на первой стоит с вероятностью около ста процентов. Первый раз, попав в него сразу четырьмя группами семинара туристов-водников, мы даже растерялись немного, сутки простояли в ожидании – а вдруг стронется, но выходные-то не резиновые. Проваливаясь местами в снег и подснежную воду глубже пояса, таки протащили суда и поспешно впряглись в греблю. Нет ничего хорошего, если стронется затор выше тебя по течению... Пусть уж мы отдельно, а он отдельно, ночью там или когда нас на реке нет.

Надо сказать, что сплав по уральской речке сам по себе довольно скучное занятие. Да, прекрасные виды вокруг, солнце, воздух и вода. Но в целом, исключая редкие скалы и пороги, речки одинаково текут в лесном коридоре, различаясь мало. Поэтому, когда нам надоедает планировать скуку, мы собираемся и первого мая ищем УАЗик до Кади – газелям сюда не добраться. Около разрушенного моста организуем стапель, то есть собираем катамараны, не без помощи ненормативной лексики протаскиваясь по снегу через лесок. Если повезет, то и у моста вода открытая будет, но с тех пор, как весь металл с него украли, зимой рядом намораживают автомобильный переезд, и держится он очень долго. И лед вокруг моста тоже держит.

Пока снег не раскис, скорее надо обносить

Собравшись, проходим пару часов, и вот он, красавец! Течение постепенно замедляется, рябь на поверхности реки пропадает, а спереди неумолимо надвигается бело-серое крошево затора. Тут его надежно держат остров посреди реки и следующий за ним крутой поворот русла налево. Если повезет, и затор не очень велик, можно вытащиться на высоченный левый берег, подождать часов до трех ночи и играючи, по подмороженному снегу, перетолкать катамараны за поворот, где чистая вода. Если не повезет, как в прошлом году, то аналогичным путем через залитый водой правый берег – только петля пути получается раза в три больше. По дороге и заночевать приходится, потому что иначе никак.

Утром, пока снег проваливался еще на каждый пятый, а не на каждый первый шаг, по набитой вчера тропинке торопливо потащили вещи. Пустые катамараны под присмотром пока оставили в ледяной заводи. Мокрые (снизу от подснежной воды, сверху от пота), умотавшиеся, обожженные ярким весенним солнцем, прошли за поворот до чистой воды, начали спускаться вниз... и затор пошел!

Это было нечто. Ледяной панцирь выше нас приподняло, наверное, на полметра, а то и на метр. Вода в реке вздулась и сначала с веселой яростью понеслась из-под льда, а через минуту с оглушающим грохотом панцирь затора лопнул и кусками понесся мимо нас, прямо

около ног. Ладно, на самый берег спуститься не успели. Мелкое крошево чередовалось с огромными глыбами, которые отставали, сталкивались, крошились со стреляющим хрустом. Все это мчалось по узкому руслу с вполне автомобильной скоростью. Десять минут, и последняя льдина скрылась за следующим поворотом, и река спала, и из заводи неспешно и вальяжно показались наши катамараны... Их «сторожа», пока мы ломались в снегах, хорошо отдохнули, а теперь, дурачась, тарасили глаза, спрашивали нас, кто такие да откуда тут взялись...

Затор пошел!

Как им выжить-то удалось после встречи с нами? Вообще не понимаю.

Кадь заканчивается Кадьинскими Тулумами – вереницей порогов, ниже которых река сразу впадает в Яйву. Пороги веселые – в хорошую воду может и байдарку опрокинуть, и с катамарана расслабленного гребца выбить. Несколько километров белых «барашков» пролетают на одном дыхании, и вот уже издалека-долго течет река Яйва, неторопливая, широченная.

Скучная.

Не то, что Кадь.

ЯЗЬВА

Никто не знает, как попал он сюда. Был неосторожен в погоне за жертвой? Был слишком любопытен и не распознал вовремя бездны под козырьком снежного карниза? Хищник упал на дно Осиновского провала, пролетел тридцать метров, ударяясь о стену и кувыркаясь. Пришел в себя, слегка оправившись от черноты в глазах и боли в сломанных ребрах. Приволакивая лапы, обследовал зал и понял, что единственный выход отсюда – в смерть. Он прилег в углубление под стенкой, где не капала вода и не сыпался снег из назойливо манящего отверстия в небо там, в бесконечной высоте свода пещеры, и ждал ее. Ждал терпеливо, как умеют ждать только звери – день? неделю? Но дождался, это точно. Отмытые временем, его кости до сих пор там лежат.

Небезопасно, в общем, спускаться в пещеру Осиновский провал.

И подниматься физически довольно тяжело, при помощи жумара и кроля – специальных устройств, через которые веревка может проскальзывать только в одну сторону.

Сама пещера небольшая. Съехав сюда по веревке, попадаешь на конус выноса в середине вытянутого зала в трещине бортового отпора Осиновского камня. Ничего особенно примечательного, кроме вертикального спуска и костей скелета, тут нет. Но в дальнем тупичке, если расшевелить камни, открывается узкий пролаз в следующий зал. Скорее всего, мы его первыми открыли в 2013 году. Это очень хорошо видно – был ли кто-то в зале пещеры до тебя. Даже при самом осторожном перемещении на белоснежном натечном полу остаются следы глины с сапог. А перед нами их не было, все белело, как снег. Идти там особенно некуда, можно потоптаться на небольшой приступочке перед обрывом, а за ним и вокруг возвышаются нереально сияющие в свете фонаря стены, уходящие в сужение трещины впереди и в высоченный потолок сверху.

Язьва – река интересная, и берега у нее интересные. Кроме провала, здесь есть еще Язьвинская пещера, масса избушек по берегам, ну, и пороги, конечно. Вся верхняя часть до впадения Молмыса представляет собой более-менее непрерывную шиверу, протяженное препятствие, украшенное белыми «барашками» упругой воды. Река течет быстро, уровень в ней весной быстро подымается и, кстати, так же быстро падает: к началу июня местами придется идти пешком и перетаскивать катамараны. Дно не изуродовано ни драгой, как на Вижае, ни местными жителями, как на Усьвинском пороге, поэтому сюрпризов здесь предостаточно. Только расслабишься, и вот уже видно всплески под противоположным берегом! И команда, в азарте, на «и – раз, и – раз», гонит туда катамаран, чтобы ёкнуть сердцем, обрушиваясь

в пенную бочку. Передние гребцы заходят выше пояса, палубу окатывает шипящая вода, задние последним гребком посылают судно в пену. Тут передним надо не зевать, а проплываться от воды, наклониться вперед и уцепиться веслами за твердую воду, чтобы вытащить катамаран из бочки. А то встанет на дыбы, подтапливаемый сзади потоком – ищи потом вещи и собирай экипаж по всей реке. Как-то раз в такой ситуации мотнуло, один грузный участник, чтобы удержаться, с размаху уцепился за толстую алюминиевую трубу рамы... да и сломал ее – не выдержала. Выловили всех другими катамаранами...

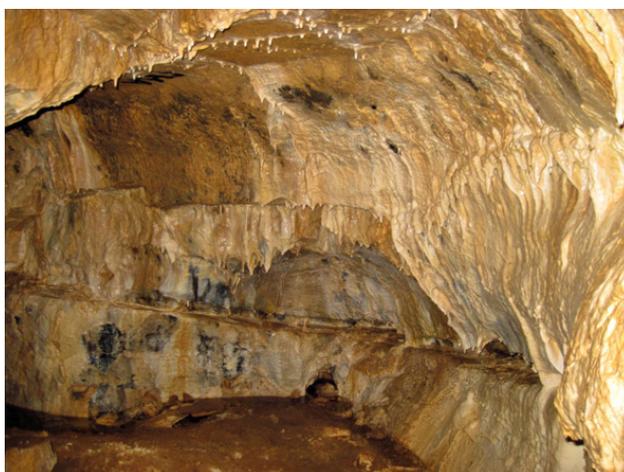
Белый зал

Не скучно, в общем, по Язьве идти.

Шиверы под Осиновским камнем

До недавнего времени эта река не была широко известна в кругах туристов. Дело в том, что ее толкового описания нет в священной книге всех туристов-водников Пермского края – «По голубым дорогам Прикамья» С. А. Торопова. Как бы ни ругали автора за неточности в описаниях некоторых рек (и, особенно, пешеходных частей маршрутов), эта книга внесла в развитие туризма в области и в Союзе в целом огромный вклад. Карт тогда не было (секретно же!), доступ в окрестности «поселков лесорубов», как автор стеснительно называл исправительно-трудовые учреждения, был несколько затруднен, и возможность прочитать хоть какие-то описания и посмотреть хоть какие-то приблизительные схемы местности еще в 1980-х годах была неоценимой. А тех рек, которые не были описаны в книге, как бы не существовало. На них не ходили просто потому, что не знали. Вот соседний Молмыс, на деле скучный и однообразный, Сергей Афанасьевич описал как бурный и порожистый, и туда народ стремился. А Язьву почему-то – нет. В сущности, это хорошо: на ней и сейчас не слишком тесно от сплавщиков.

Язьвинская пещера в среднем течении реки

Тем более с течением времени туда все сложнее доехать. Хотя дорог – целых четыре: через «поселок лесорубов» в Красном Береге, через поселки Верхняя Язьва и Северный Колчим, через Волынку и через Золотанку. Соликамский бумажный комбинат возит из окрестностей лес по Волынской дороге, так что ее чистят всю зиму, но в апреле она раскисает, становится грязной и колеистой. Столь любимые туристами дешевые «Газели» и дорогие «ПАЗики» здесь не пройдут. Между поселками Сим и Красный Берег тоже традиционно колеи и море грязи. А вот дорога через Северный Колчим последние года и вовсе не чистится. Удивительно – жаркая, ранняя весна, в лесу снега практически нет, а узкая, плотно зажатая лесом со всех сторон дорога держит на себе полметра, а в низинках и еще больше снега. Не прорваться.

Тем не менее, весной эта речка не остается без внимания. Группы стартуют у бетонного моста в урочище Усть-Цепел, доходят до полян под Осиновским камнем, отсыпаются, смотрят на речку сверху, лазят по гротам и пещерам. Камень, кстати, километра два в длину, после пожаров и ветровалов 2010-го года там ходить – черт ногу сломит, так что даже официальная спелеологическая наука не в курсе, сколько там пещер. Безграничное поле деятельности для исследователей, юных и не очень.

Затем, после первых веселых шивер, в том же правом берегу Язьвинская пещера. В нее можно сходить ногами в привходовую часть, а можно по 5-метровой веревке спуститься в дальний конец. Зачем-то весь «пещерный творог» в ней соскоблен с потолка и стен, по углам валя-

ются инструменты для этого из обрезков пластиковых бутылок. Подходить к пещере придется по аналогичному ветровалу, заполнившему крутой берег. Дальше, от устья Верхней и до устья Нижней Тулымок – снова шиверы.

К впадению Молмыса река успокаивается. Мимо Красной скалы, давшей название поселку, мимо самого поселка и дальше катамаран тащится еле-еле, особенно, если ветер в лицо. А он на сплаве всегда в лицо, закон природы, что поделать. Последнюю стоянку обычно устраивают на огромном Антипинском лугу, способном разместить сколько угодно туристов. Добрые люди сюда зимой завозят для своих и чужих нужд гору обрезки с лесопилки, так что и с дровами проблемы нет. Сняться с маршрута можно в заливчике у деревни Паршакова или в устье речки Шудья в пределах поселка Верхняя Язьва. Дальше река совсем уж спокойная, и сильно петляет.

И в преддверии финиша, когда все семечки уже сгрызены, лица обгорели, руки обветрились, пещерная глина из курток повывелась, можно сидеть на катамаране, вяло отгребаться от берегов и планировать следующие походы. Каждому свое – кому летом в горы, кому зимой в леса, кому следующей весной снова на сплав.

На Язьву, конечно.

ПОМЯНЁННЫЙ

Новая «буханка», только что купленная с рук, на самом деле, была старая – десятилетняя, ржавая и ушатанная, но восхитительно вместимая и проходимая. Вопрос, куда в первый раз на ней поехать, даже не поднимался. Совершенно понятно было, что куда же, как не на Помянённый камень. Набралась разношерстная компания, и в июне 1998 года у меня состоялась первая поездка в поход на собственном транспорте – до того обходились наёмным. Удивительное дело: до сих пор нет-нет, да и собираемся, и едем опять на Помянённый, то летом, то зимой, то в весеннюю пору синего неба и снега. Что же там такого, на этом хорошо известном камне, хоженом-перехоженном, обтоптанном бесчисленными толпами туристов, почти как Каменный Город?

Помянённый (Колчимский) камень – хребет, вытянутый с юга на север, расположенный в 35 километрах к востоку от г. Красновишерск. Большая часть хребта лесистая, а в промежутках между лесом высоко подымаются причудливые каменные фигуры-останцы. Сложены они кварцевыми конгломератами, на сломе напоминающими то ли копченую, то ли популярную в советские времена шоколадную колбасу – пирожное из какао, масла и обломков печенья. В красноватой основной породе красиво расположены вкрапления кварца. Хребет хорошо виден с трассы Красновишерск – Вая, особенно с ее возвышенной части восточнее поселка Волынка. Так как от «большой дороги» до первых, северных, скал недалеко, именно они наиболее посещаемы туристами. Несколько километров после поворота с трассы еще можно проехать на полноприводной машине через два брода, старую проломленную гать и прочие красоты, но дальше придется идти пешком. Тропа по лесу хорошо заметна и, обычно, расквашена до безобразия – обратно в лагерь туристы спускаются, забрызганные грязью чуть ли не до пояса. По этой тропе восходители добираются до первых осыпных (курумовых) полей под Первым Замок, с которого прекрасный вид на северную вершину. Ее часто (ошибочно) называют «главной». К ней по редкому лесу идет тропа, на которой заблудилось бесчисленное количество туристов. Пока идешь к вершине, тропу прекрасно видно, сбиться проблематично. Но на обратном пути в двух местах тропа резко и неприметно поворачивает вправо, а прямо натоптаны широкие фальшивые тропищи, уводящие на какие-то совсем другие склоны, а не на тот, который под Первым замком. А поскольку впереди обычно идут самые быстрые, а не самые толковые, а остальные ориентируются на них... а курумки со всех сторон камня очень похожи... в общем, немало народа на моей памяти «аукалось» с западного склона, пытаюсь понять, как они сюда попали, и как же выбраться к началу тропы по лесу.

Северная вершина увенчана 20-метровым монолитом, в просторечии называемом «балдой», на который при определенной сноровке можно залезть по южному контрфорсу. На спуск очень желательно провесить веревку, для крепежа наверху даже шлямбуры набиты. Иначе веселый и увлекательный походик может превратиться в транспортировку тела, что вряд ли входит в планы группы... Да и того, кто веревку провешивает, надо выбирать осмысленно, чтобы был лазучий и спокойный. Там, перед шлямбурами, надо перебраться через маленькую, прорезанную щелью полочку, очень-очень-очень способствующую падению вниз...

Вид на северную вершину от Вторых Скал

Северная часть Помянённого представляет собой прекрасный полигон для обучения скальной технике. Здесь есть все – и высоченные стены с отрицательным уклоном, и наклонные плиты, где удобно и безопасно отрабатывать технику спуска по веревке дюльфером, и вполне проходимые вертикальные поверхности для обучения лазанью с верхней страховкой. И все это недалеко – в 4—5 километрах от точки достижения на машине. Воды вот только нет – не заночуешь, только если с собой тащить.

На Балду!

Еще бóльшие возможности предоставляют Вторые Скалы, массив останцев, расположенных южнее, в 15 минутах хода от «балды». Как-то я наблюдал, как специально приехавшие для этого альпинисты из Перми долго и методично проवेशивали, пробивали шлямбурными крюками подъем на Коня – одинокую узкую скалу с нависающим навершием, напоминающую по виду шахматную фигурку. Сюда добираются уже далеко не все восходители, я бы так оценил, что 80% их ограничивается окрестностями Первого замка и северной вершины. А ведь есть еще Третьи, разрозненные и невысокие, а дальше, далеко на юге торчит «лягушка» – действительно главная, самая высокая вершина Помянённого.

Летом по хребту сюда за день добраться сложно. Зимой – проще. Обычно под «балду» со стороны дороги всю зиму набита лыжня, так как желающих попасть сюда предостаточно. Даже если их желание ограничивается северной вершиной, нет никакой проблемы быстро протропить на юг до «лягушки». Ведь обратно по своей лыжне поедешь вниз, и это в несколько раз быстрее, чем подниматься вверх. Конечно, если умеешь пользоваться лыжами, тормозить и поворачивать – иначе крутая часть спуска превращается в мало увлекательный аттракцион «а ну-ка поднимись из пухлого сугроба, попутно развязывая ноги, лыжи и сочувствующие процессу кусты». Для умельца же спуск из-под южной вершины к дороге – кайф. Сначала,

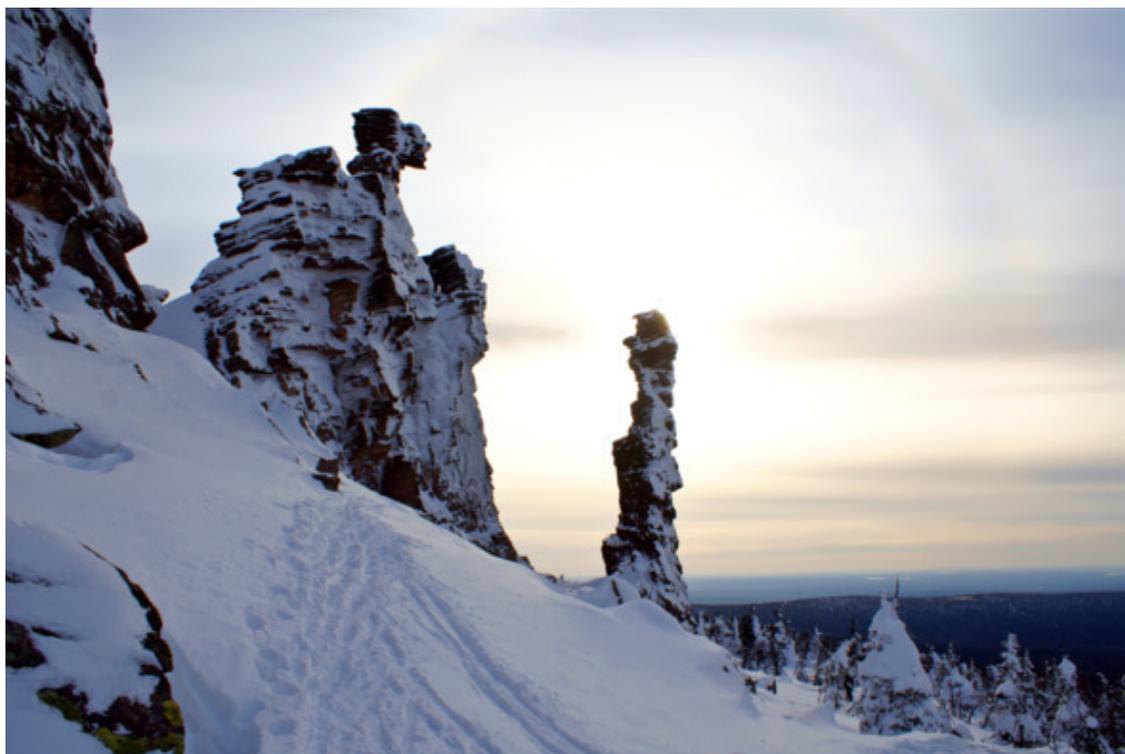
не торопясь, едешь в сторону Вторых Скал и «балды», изредка толкаясь палочками. Обойдя по фирнам северную вершину, начинаешь нарезать по жесткому-жесткому склону зигзаги собственной лыжни, чтобы было хоть чуть-чуть помягче, и чтобы была хоть какая-то управляемость. Тут главное предугадать траектории бегающих туда-сюда по склону деревьев: вот ведь оно было далеко-далеко и в стороне, а вот оно уже перед самым носом, и скорость приличная... К моменту въезда в густой лес ноги уже гудят, щеки расцарапаны случайными веточками, левая ягодица гудит от незапланированного падения на фирн ещё там, наверху... И начинается самая приятная часть спуска – то же Новожилово, только без толп сограждан, и всё время вниз. Знай уписывайся в повороты да подтормаживай, где надо. Уклон постепенно падает, и к обширной просеке, по которой затем выйдешь к вайской дороге, уже надо толкаться палочками – так же, как и под «лягушкой».

Золотая осень на Помяненном

Однако как-то приспичило нам сходить на южную вершину летом. Можно было бы и по хребту, нам большой разницы нет – четыре или восемь километров в одну сторону, все достижимо. Но не интересно же. Столько раз на Первые скалы ходили с того приснопамятного 1998 года, я и чисел-то таких не знаю. Уж и «буханка» та уездила и списана, и вторая почти десять лет бегаёт, в том числе сюда... По спутнику хорошо просматривается дорога, которая начинается на отвороте с вайской трассы прямо перед рекой Колчим и идет до урочища Буркочимские Поляны в истоке реки Большой Колчим. На Колчиме еще не так давно работала алмазодобывающая драга, превращавшая реку в мутно-желтый грязевой поток. Теперь драга свое отработала, и летом 2017-го ее как раз разбирали на металлолом (а зимой уже и остатков от нее под снегом не видно было). От отворота по отсыпной дороге можно проехать километров шесть до вполне марсианского пейзажа из гор хвостов промывки, порожденных когда-то дражной разработкой. Дальше дорога есть только на карте, проехать по ней не получится. До Буркочимских Полян пять километров по полузросшим болотистым останкам дороги, через поваленные поперек стволы, под дружное жужжанье радостных комаров: в кои-то веки в нашем-то болоте – и такой роскошный завтрак! Сами поляны – просто обширные пустоши, покрытые

высокотравьем. Никаких «развалин», указанных на всех картах, на них нет. Отсюда прекрасный вид на хребет и два километра несложного подъема по травяным языкам и редкому лесу под главную вершину. Там важно не заблудиться в толчее останцев, потому что большое, оно хорошо смотрится издали, а рядом отличить «лягушку» от соседей не так просто. И непросто найти путь подхода к ней с запада, со стороны высоких отвесных сбросов.

А ведь еще все те же километры надо идти назад. По той же лесной дороге и тем же комам. Зато мы теперь знаем новый путь сюда и когда-нибудь наверняка сходим снова. Например, в золотую осень в честь чьего-нибудь дня рождения. Или зимой, по снегоходному следу. Или когда угодно, потому что Помянённый труден, опасен и прекрасен всегда.

В любое время года, дня и жизни.

ЧУВАЛ

Вход в шахту еще сохранился, но уже в нескольких метрах от него гора безжалостно сплющила древний штрек. Только ползком, а ползком не хочется – мало ли, что впереди, и сумеешь ли развернуться. Вылезай потом ногами вперед. Старинные бревна в обрамлении штрека, кажется, срослись со скальной породой, и даже трудно различить – то ли плесень на дереве, то ли лишайник на камне.

Когда-то, до Октябрьской революции, здесь кипела жизнь. Акционерное общество Волжско-Вишерских горных заводов, контрольным пакетом акций которого владели французы, добывало в Чувальском камне железную руду, выплавляло на Вёлсовском заводе чугуны, а по весне сплавляло на плотках слитки «в мир». Даже железная дорога тут была до 1907-го года. От тех времен осталось только название «Французской» избы, развалин на больших полянах под вершиной Южный Чувал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.